Д.Д. Амоголонова*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТСКОЙ ЭТНОСФЕРЕ

В статье на материалах современной Бурятии исследуется феномен культурной этносферы, понимаемой как пространство этнической идентичности и форма включения в социальные процессы. Автор доказывает, что современные художественные процессы являются культурным воплощением этнической идеологии, но при этом способствуют ее деполитизации. Благодаря реализации обучающей функции художественные практики решают задачи по ознакомлению этнической группы с национальными достижениями и травмами, особенностями исторического развития, основаниями для этнической гордости. Целостные представления об этнической культуре способствуют развитию позитивного этнонационального и гражданского патриотизма.

Ключевые слова: буряты, этносфера, этнокультурное возрождение, художественная культура, память, идентичность

Ethnic history and art in the modern Buryat ethnosphere. DARIMA D. AMOGOLONOVA (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences)

Focusing on modern Buryatia, the article discusses the phenomenon of *cultural ethnosphere* as the space of ethnic identity and a form of inclusion in the social processes. The author argues that present-day processes in Buryat fine arts and literature are the cultural embodiment of ethnic ideology, at the same time contributing to its depoliticization. Due to the educational function, art practices serve to provide the ethnic group with the information on national achievements and traumas, features of its historical development, and grounds for ethnic pride. Holistic view of the ethnic culture contribute to the development of positive ethnic and national identity.

Keywords: Buryats, ethnosphere, ethnocultural revival, art, memory, identity

После недолгого, но достаточно выраженного периода всплеска этнонационализма в период перестройки в СССР и в первое десятилетие постсоветской истории, начиная 2000-х гг. бурятская этничность деполитизируется с одновременным развитием различных аспектов национальной культуры, составляющих в совокупности этнокультурное простран-

ство – этносферу. Если бурятский дискурс в период всплеска этничности характеризовался неразделенностью политических и культурных аспектов, то позже из него полностью исчезли политические вопросы, включавшие в себя, в частности, обсуждение права на самоопределение, объединение трех бурятских субъектов (Бурятии, Усть-Ордынского Бурят-

* АМОГОЛОНОВА Дарима Дашиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

E-mail: amog@inbox.ru

© Амоголонова Д.Д., 2018

ского автономного округа и Агинского Бурятского автономного округа), возвращение полигонима бурят-монголы и даже воссоединение с монголами. Отметим, что рядовые носители этничности не проявляли особого интереса к политическим темам. А вот проблемы культурного возрождения, включая религию, бурятский язык, фольклор и литературу, традиционные формы хозяйственной деятельности (номадное скотоводство) и в целом сохранение сельского хозяйства, остаются важными аспектами социокультурного ландшафта. Сказания о предках и национальных героях, реальных и мифологических, становятся сюжетами художественного творчества, дают основу для проведения фестивалей и праздников, включаются в образовательные программы. Так осуществляется реальное сохранение и развитие самобытности этнической группы.

Деятели культуры Бурятии (не обязательно буряты) активно работают в сфере художественного творчества, основываясь на традиционных ценностях, но руководствуясь при этом требованиями современности в стиле и формах выражения. А задачу координации культурной жизни этноса взяло на себя межрегиональное общественное движение «*Всебурятская ассоциация развития культуры*» (ВАРК), отметившее в 2016 г. 25-летний юбилей существования. Выступая на съезде ВАРК 2016 г., спикер Народного Хурала Ц.-Д.Э. Доржиев в очередной раз определил назначение ВАРКа как содействие духовному единению и консолидации бурятского народа, проживающего в разных точках мира, а задачи организации сформулировал как сохранение этнической идентичности посредством поддержки бурятскому языку, возрождения традиций и обычаев [4].

В современном бурятском творчестве разнообразие сюжетов и средств художественного выражения вполне соответствует алгоритму *возвращения к корням* и преодоления социалистической безликости, заданности и усредненности, о чем знаменитая художница Алла Цибикова в конце 1980-х гг. говорила так (в связи с возрождением традиционной живописи): «Конечно же, везде все подвергается некоей стандартизации, и запоздалые рывки в утраченное жизненное пространство культового искусства выглядят очередным ретро, пестрым лоскутом от некогда роскошного одеяния – в неумелых подражающих руках. Но все-таки и в этих попытках – желание искреннее, в большинстве случаев, протянуть ниточку связи кровного

родства с великой культурой Востока. <...> Мы ведь почти космополиты. <...> ощущение национальности у меня появилось очень поздно <...>. По всей видимости, “порвалась связь времен” и поток национального искусства усох до ручья прикладного. Там (в Монголии. – прим. авт.) еще пульсирует древняя кровь. А у нас – вода» [6, с. 91-92].

Отказ от социалистических стандартов и ретнизация современного бурятского художественного творчества происходит вследствие обращения художников, скульпторов и музыкантов к национальным темам, связанным с культурно-исторической памятью. При этом художественный дискурс, с одной стороны, основывается на ценностях, значимых для этнической группы, а с другой – вносит свой вклад в упрочение унифицированной картины бурятской этносферы, в которой присутствуют константы, представляющие матрицу художественного творчества: величие истории и национальные травмы, культурные достижения (фольклор и прикладное искусство), высокая духовность, выражаемая в преданности буддийской религии и шаманской ритуалистике.

Описывая этносферу – систему знаков – посредством разнообразных образов, художественное творчество обогащает их символическими смыслами, заложенными в узнаваемых знаках. Так культура выполняет социальную функцию, о которой писал Ю.М. Лотман: «... произведения искусства представляют собой чрезвычайно экономные, емкие, выгодно устроенные способы хранения и передачи информации. Некоторые весьма ценные свойства их уникальны и в других конденсаторах и передатчиках информации, созданных до сих пор человеком, не встречаются» [7, с. 9-10]. Преимущество художественного творчества заключается в его демократичности и общедоступности, а желание познакомиться с ним обусловлено общим культурным настроением и социальными потребностями включения в этническое сообщество. Можно сказать, что символы, *предположительно* одинаково понимаемые носителями культуры, передают закодированную социально-значимую информацию, которая служит и эстетическим, и различным интегративным и воспитательным целям. Таким образом, можно сказать, что художественные произведения являются одновременно и фрагментом этносферы, и способом ее описания, и даже вообще формой (или одной из форм) ее существования.

Процесс конструирования постсоветской этнической идентичности включает в себя воплощение идеологием, усвоенных и присвоенных общественным сознанием, а многообразие их художественной реализации обуславливается талантом, манерой и целями творца. Поэтому для художника сюжет является лишь отправной точкой самовыражения, тогда как в создании художественного произведения более важную роль играет творческое видение и эстетические воззрения автора. Исключение составляет современная буддийская иконопись, в которой следование канону непреложно, а восприятие требует знания буддийской мифологии.

Специальные знания по буддийскому канону, в том числе и иконописному, приобретают студенты основанной известным художником Даши-Нимой Дугаровым школы-студии «Буряад зураг» (бурятская традиционная живопись), где их обучают рисованию *танка* (религиозные картины) минеральными красками (о роли Д.-Н. Дугарова в бурятском этнокультурном возрождении журналист Ю. Хороших писал: «Он был художником, философом, мыслителем, борцом, идеологом, другом и сыном своей земли» [12, с. 14]).

Буддийские сюжеты, иллюстрирующие возрождение буддийской традиции в Бурятии, присутствуют и в светской живописи, выполненной в традиционном стиле. Художник Лубсан Доржиев использует иконографическую манеру в портретистике (портрет Агвана Доржиева), а стиль *зураг* – в картинах «Укрощение тигра Дугар Зайсаном», «Луу» (дракон), «Матарай толгой» (чудовище макара). Традиционная бурятская орнаментика используется художником для изображения облаков, гор и земли в картине «Домог» (Зеленый жеребенок).

Этническая история и культура представляют неисчерпаемый источник сюжетов, а изображения реальных персонажей перемежаются с мифологическими (эпическими) героями. Образ Чингис-хана и его время были главными темами художественных произведений в период наиболее значительного интереса бурят к общемонгольской истории, что вдобавок индуцировалось знаменательным событием мирового масштаба – 800-летием монгольской империи (2006 г.). Еще больший и при этом неослабевающий интерес деятелей культуры вызывает образ эпического героя Гэсэра, воплощаемый в живописи и скульптуре (А.М. Миронов) и в музыке (опера в трех действиях «Гэсэр» композитора А.А. Андреева поставлена на сцене Бурятского театра оперы и балета).

При этом критики не всегда согласны с художниками в их явном подчинении живописным традициям собственного творческого видения и манеры, что подразумевает торжественно-парадное воплощение образов: «...зачастую присутствует налет некоего штампа в создании облика героя» [2, с. 10].

Принципиально иной подход к творчеству демонстрирует Даши Намдаков – самый известный бурятский скульптор по металлу. Его работы соединяют европейскую пластическую классику и бурятские сюжеты: не подчиняясь канону, Даши Намдаков воплощает фольклорные, буддийские и шаманские идеи, зооморфные представления о стихиях и времени в динамических фигурах реальных и фантастических персонажей («Царь-птица», «Конь Модэ», «Заан» (слон), «Ворон», «Стихия», «Буха-Найон» (бык-господин, тотемный предок предбайкальских бурят), «Воспомяная о будущем»).

Скульптор Баир Сундупов основывает свое творчество на бурятской и в целом центрально-азиатской художественной традиции, при этом современная стилистика непротиворечиво сочетается с концепциями буддийской религии и философии, с боевой историей и кочевой повседневностью предков (скульптуры «Смерть кочевника», «Преображение Ямараджи», «Сүхэ-Баатар», «Ташаангуй (Страсть)», «Хооһон шанар (Аллегория)», «Хан Хэрдиг (Хан-Гаруда)», «Тахил (Подношение богам)»).

Переосмысленные и модернизированные сюжеты бурятского национального фольклора легли в основу целого ряда театральных постановок. В спектакле «Свадебный круг, или Улейские девушки» (авторы – Э. и С. Жамбаловы, режиссер-постановщик Д. Баторова), поставленном на сцене Бурятского театра драмы, современная свадьба переплетается с мистическими сюжетами западно-бурятских легенд. Оценивая художественные достоинства и новаторские средства воплощения замысла спектакля, театровед А.А. Политов отметил, что эпические традиции, предания и легенды не только сохраняются в памяти народа: они дают возможность воспринимать культурное наследие как часть современной жизни, как философию этнической группы [9, с. 8].

Бурятские сказки легли в основу спектакля «Поющая стрела» (театр кукол «Ульгер», режиссер Э. Жалцанов), сюжет которого начинается с традиционного зачина, когда в улус приезжает улигершин (сказитель) и рассказы-

вает взрослым и детям легенду об отважном старом воине Мээл-баторе, который в одиночку противостоял неприятельской орде под предводительством жестокого Ээлэн-батара. Фольклорные мотивы представлены в спектакле динамично, с юмором и, что наиболее важно, вполне понятны современному юному зрителю. Более того, постановочная, игровая и текстовая яркость способствовали тому, чтобы спектакль был тепло встречен не только в Улан-Удэ, но и в Москве, став в 2006 г. лауреатом премии «Золотая маска» и войдя в репертуар Московского кукольного театра.

В основу спектакля-стихии «Угайм Сулдэ» (дух предков) (театр «Байкал») положены фольклорные и мифологические традиции монголоязычных народов, переданные в современной хореографии и музыкальном сопровождении. Цель своей работы создатели спектакля видят в воссоздании мировидения предков-кочевников, чтобы зритель мог «ощутить дыхание прошлого времени, изучить историю наших предков и открыть для себя новое измерение к жизни» [8, с. 20]. Спектакль получил широкое одобрение и в России, и во многих других странах. Созданный в 2005 г., он до сегодняшнего момента остается наиболее зрелищным, притягательным и объемным произведением театрального искусства Бурятии.

Как элемент этносферы, художественное возрождение апеллирует не только к чувству родства с традицией: через искусство осуществляется приобщение к этническим ценностям, т.е. проявляется *обучающая функция культуры*, поскольку многие буряты, особенно горожане, имеют поверхностные представления о, например, традиционных верованиях – буддизме и шаманизме (и их мифологии). Примером может служить театрализованный концерт «Ода Матери-Лебеди», поставленный в театре танца «Бадма Сэсэг» (художественный руководитель Д.Ж. Бадлуев), в котором представлена реконструкция шаманского обряда: путешествия шамана по нижнему, среднему и верхнему мирам. Подразумевалось, что спектакль, наряду с выполнением художественных задач, должен быть достоверным с точки зрения религиозных традиций и представить обобщенное шаманское культовое действо. Д.Ж. Бадлуев в интервью рассказал, что работа над спектаклем была сложной, потребовавшей новых знаний по бурятской этнографии, для чего он предварительно «перелистал сотни журналов и книг, ездил в фольклорные экспедиции, познакомился с

почтенными старцами, не раз бывал в музеях, чтобы детально изучить покрой традиционной бурятской одежды разных местностей, в том числе одежду кочевых племен» [5, с. 8]. Танец в том же спектакле достаточно достоверно изображает шаманский ритуал: «Праздник в честь Матери-Лебеди продолжается, чтобы к полудню завершиться. Вместе с яркими лучами хори-буряты и хонгодоры простятся со своим тотемом до следующего тайлгана. Но сначала поднесут Матери-Лебеди белый хадак, и каждый из них унесет к себе домой кусочек освященного уголька, чтобы укрепить свой очаг» [5, с. 8].

Отметим, что традиции бурятского шаманизма, как исконные верования, более древние, чем буддизм, пришедший в Забайкалье из Монголии в начале XVII в., занимают в художественном творчестве значимое место. Цели возрождения этнокультурной памяти на выставке современных художников «Шаманские тропы» в Музее истории Бурятии осуществляются в представлении зримых образов шаманского мировидения и ритуалистики: изображения духов-покровителей, родовых *обо* (культовые места), шаманских камланий («Шаманка», «Обряд», «Охотник» Ч. Мандаганова, «Камлание», «Таежник» Е. Болсобоева) соседствуют с визуально-художественным воплощением шаманской космологии; например, трехчленное вертикальное деление пространства, центром которого является пронизывающий все три уровня шаман на лошади, изображено на картине Е. Болсобоева «Замби тиб» (Путешествие по миру).

Еще более наглядно обучающая и просветительская функции культуры представлены в книге для детей «Алмазная книга о бурятах», написанной и проиллюстрированной художницей В.П. Алагуевой: рисунок, призванный показать ребенку структуру мироздания, представляет собой вертикальную трехчастную картину мира шаманской космологии. Разъясняя изображения, автор пишет: «Верхний мир – Небеса. Владыка Солнце. Средний мир – Земля. Владычица Этуген. Нижний мир – Подводное и Подземное Царства. Владыка Уса Лосон» [1, с. 64, 76]. Книга примечательна тем, что в ней в художественных формах представлен давно сложившийся в Бурятии религиозный синкретизм, подразумевающий непротиворечивое соединение буддийских, шаманских и христианских тем. Описывая бурятскую этническую картину мира, В. Алагуева изображает духов

и хозяев местности (Владыка Байкала, Хозяйка Ангары), Будду («Будда всегда смотрит за своими детьми, посылая им свою любовь») и Бодхисаттв, и одновременно поясняет, что архангелы – «Наши Небесные Отцы», а архангела Михаила называет равным Богу и Ваджрадхарой [1, с. 81] (т.е. изначальным Буддой, олицетворением Дхармакаи).

Чингис-хан, которому в дискурсе бурятского этнокультурного возрождения отведено центральное место национального героя, стал также заметной темой художественного творчества. Например, в книге Ялбака Халбая (Б. Халбаева) «Чингис-хан – гений» Чингис-хан изображается как великий полководец, гуманист, самый выдающийся государственный деятель и одновременно – как провидец и миротворец. Доказывая гениальность Чингис-хана, автор прибегает к стилю торжественной прозаической оды, в которой в констатирующей манере утверждается, что монголы эпохи Чингис-хана были самым передовым народом мира, руководствовались справедливыми законами-яса, создали дипломатию, обладали моралью и культурой, которой не знали завоеванные народы: «Более гуманных завоевателей и правителей-чужеземцев история человечества не знает» [11, с. 267-269, 283].

Воплощению образа Чингис-хана в сценическом искусстве сопутствует тот же возвышенно-торжественный тон. На сцене Бурятского театра драмы поставлен спектакль «Чингис-хан» (автор пьесы Б. Гаврилов) по мотивам «Сокровенного сказания», но с явным упором на философско-этические проблемы, более значимые для современников: «Неужели человек, перенесший такое глумление над собой, не попытается избавиться от подобного произвола своих родных, свой род и племя, весь мир?!» [3, с. 12].

В триптихе художника И. Налабардина «Из глубины веков» («Мать Чингис-хана», «Чингис-хан», «Чингис-хан в Средней Азии») центральная картина – это грандиозный поясной портрет Чингис-хана над бесчисленными монгольскими воинами. Возвышенно-эпическое представление прошлого возрождает гордость за предков и одновременно символизирует полный отказ от советских трактовок эпохи монгольских нашествий. Такие же смыслы присутствуют в художественном фильме об эпохе монгольской империи «Первый нукер Чингис-хана», поставленном по повести А.С. Гатапова. Фильм повествует об истории знакомства

Тэмуджина и Боорчу, впоследствии ставшего верным сподвижником и другом хана; бурятские зрители по всей этнической Бурятии встретили фильм с большим энтузиазмом.

Тема сопричастности истории родной земли выражается через поэтические образы культурной памяти в творчестве бурятских поэтов Баира Дугарова, Галины Раднаевой, Есугея Сындужева. Стихи посвящаются разнообразным темам, но основные сюжеты узнаваемы и близко связаны с дискурсом этнического возрождения: родная земля, великое прошлое, кочевые предки, Чингис-хан и его время, эпический герой Гэсэр. В обсуждении проблем национального возрождения значительное место отводилось сохранению бурятского языка и попыткам избежать языковой русификации; и в художественном творчестве эта тема нашла широкое отражение. Поэт Б.С. Дугаров просит прощения у бурятского языка за свое русскоязычное творчество («Язык отцов, прости за немоту»), а Е. Сындужев надеется, что ситуацию можно изменить и призывает бурят вернуться к этническому языку: «Эй, бурят русскоязычный, / Евразийский стык! / Где же твой / гортанный, зычный, / Песенный язык? / <...> Мы его вернем, / Чтоб ему в любви / признаться / ты сумел на нем. / Чтобы был ты двуязычный, / Чтобы не отвык / Прославлять гортанный, / зычный, / Песенный язык» [10, с. 14].

Таким образом, между этнической идеологией и художественной культурой в Бурятии установлена прочная обратная связь, основанная на поисках, определении и трансляции этнической идентичности. Литература и искусство как часть этнокультурного возрождения, с одной стороны, опираются на традицию, а с другой – обусловлены современным состоянием общественного сознания, что обеспечивает им популярность и поддержку в самых разных слоях населения, как бурят, так и не-бурят. Художественное творчество представляет зримые и яркие символы, доказывающие существование этносферы – систематизированной совокупности социализированных знаков и кодов. Этнические ценности были основой политических лозунгов и программ бурятского возрождения на разных этапах истории, начиная с конца XIX в., но благодаря деятелям литературы и искусств в настоящее время этничность деполитизируется, а художественный процесс в полной мере отвечает запросам в области выражения этнических чувств, настроений и потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алагуева В.П. Алмазная книга о бурятах. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007.

2. Баторова Е. Все познается в сравнении // Бурятия. 2001. 16 мая. С. 10

3. Васильева А. «Чингис-хан»: в ожидании чуда... // Правда Бурятии. 2001. 8 июня. С. 12.

4. Всебурятская ассоциация развития культуры выбрала своего нового председателя // Буряад Унэн. 01.07.16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://burunen.ru/site/news?id=11882>

5. Гончикова Н. «Бадма Сэсэг» поет оду Матери-Лебеди // Бурятия. 2002. 24 января. С. 8.

6. Коренько В.А. Альбина Цыбикова – художник и друг // Вестник Евразии. 2003. № 3. С. 42-106.

7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб.», 2001.

8. Мудрая сила «Байкала» // Мой любимый город. Спецвып., посвящ. 339-летию г. Улан-Удэ. 2005. С. 20.

9. Политов А. Сказание о земных и неземных небесных девах // Бурятия. 2000. 16 ноября. С. 8

10. Сындуев Е. Песенный язык // Правда Бурятии. 2005. 3 ноября. С. 14.

11. Халбай Я. Чингис-хан – гений. Улан-Удэ: Издательство ОАО «Республиканская типография», 2001.

12. Хороших Ю. Кисти и стрелы // Правда Бурятии. 2008. 15 мая. С. 14.

2. Batorova, E., 2001. Vse poznaetsya v sravnenii [Everything is learned in comparison], Buryatia, May 16, p. 10. (in Russ.)

3. Vasil'eva, A., 2001. «Chingis-khan»: v ozhidanii chuda [Genghis Khan: waiting for a miracle], Pravda Buryatii, June 8, p. 12. (in Russ.)

4. Vseburyatskaya assotsiatsiya razvitiya kul'tury vybrala svoego novogo predsdatelya [The All-Buryat Association for cultural development has chosen its chairman]. URL: <https://burunen.ru/site/news?id=11882> (in Russ.)

5. Gonchikova, N., 2002. «Badma Seseg» poet odu Materi-Lebedi [«Badma Seseg» is singing an ode to Mother-Swan], Buryatia, January 24, p. 8. (in Russ.)

6. Korenyako, V.A., 2003. Al'bina Tsybikova – khudozhnik i drug [Al'bina Tsybikova – an artist and friend], Vestnik Evrazii, no. 3, pp. 42-106. (in Russ.)

7. Lotman, Yu.M., 2001. Semiosfera [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo – SPb.». (in Russ.)

8. Mudraya sila «Baikala» [Wise power of «Baikal»], Moi lyubimy gorod. Spets. vyp., posvyash. 339-letiyu g. Ulan-Ude, 2005, p. 20. (in Russ.)

9. Politov, A., 2000. Skazanie o zemnykh i nezemnykh nebesnykh devakh [A legend about earthly and unearthly heavenly maidens], Buryatia, November 16, p. 8. (in Russ.)

10. Synduev, E., 2005. Pesennyi yazyk [Song language], Pravda Buryatii, November 3, p. 14. (in Russ.)

11. Khalbai, Ya., 2001. Chingis-khan – genii [Genghis Khan, a genius]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo ОАО «Respublikanskaya tipografiya». (in Russ.)

12. Khoroshikh, Yu., 2008. Kisti i strely [Brushes and arrows], Pravda Buryatii, May 15, p. 14. (in Russ.)

REFERENCES

1. Alagueva, V.P., 2007. Almaznaya kniga o buryatakh [The diamond book about Buryats]. Ulan-Ude: Izd-vo ОАО «Respublikanskaya tipografiya». (in Russ.)